

НА СОИСКАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ ХАМЗЫ

СЦЕНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЯЙРЫ АБДУЛЛАЕВОЙ

В числе исполнителей спектакля «Кровавый мираж», выдвинутых на соискание премии имени Хамзы, названа заслуженная артистка УзССР Яйра Абдуллаева.

Из рецензии на спектакль читатели «Ташкентской правды» уже знают о новой интересной работе, которая еще раз показала разнообразные возможности и яркое своеобразие таланта актрисы. Успех ее в этой роли — из счастливых случаев, а закономерный результат роста, итог поисков и упорного труда. Понять и правильно оценить его поможет знакомство с другими, «вчерашними» и «сегодняшними» образами, созданными Я. Абдуллаевой на сцене Узбекского академического театра драмы имени Хамзы.

Хитрая и злая, кокетливая и жестокая Эйлен Бендшаль из «Кровавого миража» стоит в одном ряду с такими ролями, как холодная интриганка леди Миллфорд («Коварство и любовь») и опустошенная белогвардейка Панова («Любовь Яровая»). Сопоставление только этих работ наглядно показывает рост мастерства актрисы. Преодолев чрезмерную сдержанность, даже известную скованность, присущие ей в прошлом, она нашла для Бендшаль четкий интонационный и ритмический рисунок, который выражает суть холодной, расчетливой, циничной авантюристки.

Еще более отчетливо виден творческий рост актрисы в другой группе образов, которую в свое время начали Гули («Алишер Навои») и Катерина («Гроза»), а ныне представляет Тургуной в «Неизвестном». Актриса с большим увлечением и мастерски играет трудную роль Тургуной. В ней она выступает то как юноша, готовый отдать свою жизнь за дело Нияза, возглавившего народное восстание, то как девушка, влюбленная в героя. Но актрису интересуют не занимательные сами по себе пре-

ращения, трансформация. Абдуллаевой удается тожко передать то мальчишескую грубость, то девичью нежность, то смелое озорство, то горделивую стыдливость. Образ пронизан романтически взволнованной мечтой о подвиге, о большой любви, о самоотверженном служении народу. Актриса бережно пронесит через спектакль единство характера, в котором переплелись романтика и лирика.

Не только для самой исполнительницы принципиальна эта ее работа. Она интересна для театра вообще, ибо лишней раз доказывает, что романтика не отрывается от реальной действительности, а, наоборот, помогает выявить ее положительные начала, укрупнить правду жизни. Как извесно, романтическая традиция сильна в литературе и искусстве Востока. И узбекский театр может творчески использовать ее при решении своей главной задачи — создании образа современного положительного героя.

Трудно согласиться с эпитетами, которыми некоторые критики наделили исполнение Я. Абдуллаевой роли Хафизы в «Шелковом узоре» А. Каххара. Ее героиню называли «робкой», «нежной». Куда более правы те, кто писал о воле и настойчивости Хафизы-Абдуллаевой, о ее «убеждающей горячности». Способность сильно и радостно сказать о своем большом чувстве, мужественно доказывать правоту, решительно и страстно действовать, осуществляя свои мечтания и идеалы, — вот что отличало эту Хафизу. Казалось даже, что такое энергичное прочтение нарушало лирическую ткань образа, не во всем соответствовало жанру спектакля в целом. Нельзя не вспомнить и о Хо-

лысхон Абдуллаевой из спектакля «Тайна паранджи» Хамзы Хаким-заде, в которой, быть может, решимости и воли было больше, чем диктовала сама роль, но зато была покоряющая цельность характера, ощущение скрытых больших сил, непокоренности, мужественности.

Если в Марьям из спектакля «Алжир — родина моя» артистка И. Алиева с трогательным лиризмом раскрывала печальную историю обесчещенной и сошедшей с ума алжирской девушки — и это было по-своему интересно, то Я. Абдуллаева поднимала образ до высот трагедии. В нем виделась не просто девушка, влюбленная в коммуниста Сараджа, но угадывалась натура романтическая, бунтарская, для которой близка и дорога борьба Сараджа.

В своеобразном романтическом ключе играла актриса роль Хемнолини — индийской девушки XIX века в спектакле «Дочь Ганга». Актриса раздвинула границы роли, отведенные ее героине в инсценировке романа «Крушение», не остановилась на одном показе неприкосновенности Хэм к жизни, ее неумении справиться со своими переживаниями. Богатство отца, его преданная любовь, заботы брата не утолили ее горя от потери возлюбленного. Это была мятущаяся девушка, из числа тех героинь Тагора, что не могли найти места в жизни. В ее разочарованности и неудовлетворенности было нечто от тех романтических неудачников, которые стали типичными для многих произведений прошлого. Они выражали умонастроения и чувствования одиночек, уже становившихся «боком» к своей среде, но не нашедших еще пути к народу.

И вот новый пример расширения

и обогащения образа, ярко характеризующий творчество Я. Абдуллаевой. Речь идет о Елене Андреевне в «Дяде Ване» А. П. Чехова. Для Абдуллаевой Елена Андреевна — это прежде всего женщина драматической судьбы. О том, что она «красавица, умница», мы узнаем не только со слов дяди Вани, а и из самого сценического образа. Однако в нем видны не только «красота» и «блеск», но и тяга к свободе, к творчеству, жизни содержательной и полной. Актриса сосредоточивает внимание на неосуществленных надеждах Елены Андреевны, на ее мечтаниях: «Улететь бы вольной птицей от всех, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете». Но если в пьесе порыва Елены Андреевны хватает всего лишь на несколько минут, то в спектакле благодаря трактовке Абдуллаевой кажется странным, что она не осуществляет желания порвать с омерзительным миром, кажется непонятным, почему она ужасается своих мыслей, бежит от своего чувства. И в этом проявляется своеобразие актрисы, ее склонность к новым идейно-художественным решениям.

Буря страстей, скрытых, но рвущихся наружу, внутренняя смятенность, энергичные, смелые поиски действенных решений, горячность и пылкость — таков строй души многих героинь Абдуллаевой.

Хочется поддержать выдвижение талантливой артистки на республиканскую премию, которая может стать стимулом дальнейшего расцвета ее яркого дарования.

Я. ФЕЛЬДМАН,
кандидат искусствоведения.